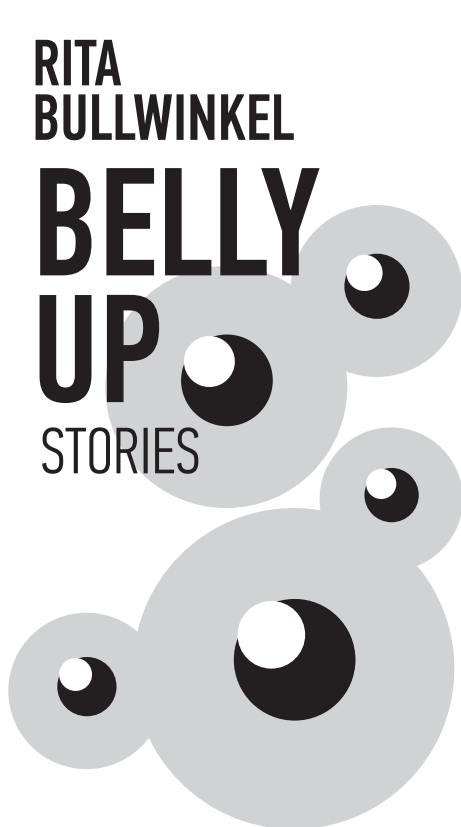

**РИТА
БУЛЛВИНКЕЛ**

RITA
BULLWINKEL

BELLY
UP
STORIES

РИТА
БУЛЛВИНКЕЛ

КЕМ БЫ
Я БЫЛА,
ЕСЛИ БЫ
НЕ БЫЛА
СОБОЙ

РАССКАЗЫ

Перевод с английского
Екатерины Гершензон,
Марии Губарь

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б90

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Булвинкел, Рита.

Б90 Кем бы я была, если бы не была собой : рассказы / РИТА БУЛВИНКЕЛ; пер. с англ. Е. ГЕРШЕНЗОН, М. ГУБАРЬ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 224 с.

ISBN 978-5-17-177818-7

“Кем бы я была, если бы не была собой” — это дебютный сборник рассказов Риты Булвинкел: книга, в которой реальность постоянно ускользает и принимает самые причудливые формы. Здесь появляются призраки и медиум, одержимая ар-фами женщина и школьницы, считающие себя растениями, заключенные ГУЛАГа, влюбленные подростки, одержимая волосами вдова, змей, притворяющийся грушей, и даже плотоядная церковь. Эти бесконечно странные, порой гротескные, но при этом трогательные и пугающие истории соединяют в себе абсурд и глубокую человечность. Герои сборника испытывают возможности собственного тела, ставят под сомнение привычные представления о реальности и пытаются разобраться в самых фундаментальных вопросах бытия — природе сознания, любви, страха и одиночества.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-177818-7

- © Rita Bullwinkel, 2016
All rights reserved
- © Е. Гершензон, М. Губарь, перевод на русский язык, 2026
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
- © ООО “Издательство АСТ”, 2026
Издательство CORPUS ®

Содержание

Арфа	7
Филюм	27
Черный язык	31
Гори	41
Истинные зомби	57
Кем бы я была, если бы не была собой	65
Неф	95
Руки над головой	97
Сгорбленный	123
Декор	125
Неравнодушные люди	147
Жареное тесто	151
На юге наш главный враг — песчаная буря	161
Время идет	173
Полный рот рыбы	177
Что построила девушка	191
Шум	197
<i>Благодарности</i>	219

Арфа

У парня, с которым я встречалась в колледже, был дядюшка, работавший в малайзийской нефтяной компании. Этот дядюшка частенько ездил в Малайзию по долгу службы. А потом внезапно умер, и оказалось, что там у него были жена и дети. И здесь у него были жена и дети. Мой парень тогда сказал, что дядюшка разделился на две половинки. Возможно, он переодевался в самолете. Трудно сказать. Никто никогда не ездил с дядюшкой в Малайзию, и никто никогда не видел его малайзийскую жену.

Эту историю я вспомнила однажды утром по пути на работу. Чтобы добраться до нее, нужно было долго ехать по живописному шоссе. Когда я только переехала за город, я эту дорогу ненавидела. Но потом она стала частью меня. В пути я могла побыть наедине с собой и послушать музыку, которая не понравилась бы мужу, или музыку, о которой мужу не стоило даже знать.

Эту историю я вспомнила, когда передо мной произошла авария. Всего в двух машинах от меня. До-

статочно близко, чтобы я не попала в начинавшуюся пробку, но мне пришлось вильнуть в сторону, чтобы не столкнуться с другими виляющими машинами. В зеркале заднего вида отразилась груда металла, разбитое лобовое стекло и две головы: одна, неподвижная, на руле уничтоженной машины, другая, женская, на пассажирском сиденье. Женщина была в платке и с открытым ртом. Кажется, она кричала. Она смотрела куда угодно, только не на человека рядом с собой, чья голова лежала на руле. Это малайзийская жена, подумала я. Вот почему она не смотрит на мужа. Ведь теперь у нее начались проблемы.

Хоть я и вспомнила о малайзийской жене, как только увидела аварию, вспомнить ее мужа мне не удалось. С того времени, как мне впервые рассказали историю про дядюшку, прошло лет десять, и я далеко не сразу сопоставила факты. Само воспоминание было не столько неприятным, сколько любопытным. Я попыталась вспомнить свои первые впечатления от этой истории. Я не стала звонить мужу и рассказывать об аварии или воспоминании. К тому же само воспоминание было слишком странным, чтобы не вызывать тревоги. Очень уж странно — и даже грустно — о таком вспоминать. Не то чтобы я очень уж тревожилась. Просто не хотелось, чтобы меня заставляли об этом говорить, особенно если учесть, что я так и не решила, чья судьба беспокоит меня больше: располамленного дядюшки или его малайзийской жены.

В день той аварии я приехала на работу вовремя. Я секретарь музыкального факультета в крупном университете. По приезде я зашла на кухню, поста-

вила обед в холодильник, а затем отправилась за водой. По пути к фонтанчику я услышала, как настраивают арфы.

Я почти ничего не знаю о музыке, но мне нравится работать в месте, где ее создают. Мой кабинет находится прямо рядом с музыкальными классами. Я постоянно слушаю трубы и литавры.

Но вот арфы — это что-то новенькое. Пару дней назад я видела, как прикатили целую дюжину арф. Они были гигантские. В одиночку такую не поднять. Их пришлось перевозить на тележках. На каждой арфе были большие круглые украшения, напоминавшие короны. Будто сверху глядели маленькие короли и королевы.

Я слышала арфу и раньше, но звуки, которые я уловила в коридоре, показались мне неземными. Я словно изменилась: человек, что слушал, как настраивают арфы, уже не был тем человеком, что складывал в холодильник обед. Я ощущала подобное на больших концертах. Там музыка всегда громкая и будоражащая — от той музыки я становилась человеком, способным кого-нибудь ударить. Но человек, которым меня сделали арфы, не мог никого ударить. У арфа-меня, возможно, вообще не было для этого рук. Душу будто погрузили в арфа-тело — некую оболочку, созданную из вибраций и растворяющуюся в людях и предметах вокруг. Слушая арфы, я не чувствовала ни злости, ни грусти, ни тревоги, ни возбуждения. Я лишь чувствовала себя кем-то другим.

Вдруг раздался голос преподавателя, и арфы перестали настраивать. Воцарилась тишина, и я пошла

дальше. Я села за свой стол и начала думать об арфа-себе и малайзийской жене.

Хоть я так и не вспомнила, кто рассказал мне эту историю, зато вспомнила, о чем подумала, когда впервые ее услышала. Я подумала о малайзийских детях — детях малайзийской жены и ее располоамленного американского мужа. Мне стало жалко малайзийских детей, ведь им придется жить без отца. Мне стало жалко малайзийскую жену, ведь ее муж — и, в моем воображении, главный источник ее дохода — умер, и теперь ей придется заботиться о себе и о детях совсем одной в каком-то малайзийском городе. Я не предполагала, что у малайзийской жены могут быть родители или братья с сестрами. Я решила, что она осталась совсем одна. Представила, как ее наверняка обманули. Она была молодой, доверчивой — такие женщины всегда думают, что все будет хорошо. Такие женщины выходят за мужчин, которые почти не говорят на их языке. Возможно, доверчивость сделала ее восприимчивой к религии. Может, она была набожной. Может, носила платок. Может, любила американские фильмы. Может, ее муж был похож на какого-нибудь знаменитого американского актера. А может, и не был, но он точно был американцем, и этого уже было достаточно.

Я села за стол и откинулась на стуле. Обзвонила отели и забронировала номера для преподавателей, выступающих за границей. Проверила почту факультета и написала профессорам с переполненными почтовыми ячейками. Написала на кафедру о предстоящем концерте. Написала на кафедру о приглашенном лекторе. Написала на кафедру о выпускных концертах. Пообедала.

Обедала я в парке на скамейке. Я вытянула ноги и грелась на весеннем солнце. В марте было все еще уместно надевать колготки, но я не надевала. Я доела сэндвич, посмотрела сквозь листву на солнце и в порыве внезапной смелости решила лечь. Я закинула ноги на скамейку, вытянулась во весь рост и закрылась от солнца руками. Сквозь листву пронесся ветерок, и волоски на руках встали дыбом. Однако чем дольше я лежала, тем становилось теплее. Солнце согрело мне лицо и ноги. Хотелось и дальше лежать на скамейке в парке и притворяться человеком, для которого ничего не стоит лечь в общественном месте, которому не нужно для этого ждать порывов внезапной смелости, вызванных воспоминаниями о малайзийской жене.

Наконец я встала и пошла обратно. В лифте я ехала одна. Мне хотелось, чтобы зашел кто-нибудь еще — чтобы я наткнулась на кого-то знакомого и он бы сказал: «Привет, Хелен, как ты?» — и тогда я бы рассказала ему про аварию. Мне все еще не было грустно, но ведь сегодня я почти наверняка видела чью-то смерть. Голова мужчины на руле выглядела не очень-то живой. И я не представляю, как положено себя вести в таких ситуациях. Бывает трудно понять, что считается социально приемлемым. Поскольку я секретарь музыкального факультета, я редко разговариваю с людьми, если только какому-то преподавателю не нужно распечатать особенно внушительную пачку документов. И даже в таких случаях наше общение быстро заканчивается. У них есть дела. Да и у меня тоже.

Я вышла из лифта в коридор, где располагался новый кабинет для занятий на арфе. Я посмотрела

в маленькое окошко и увидела, что внутри пусто. Тогда я вошла и села за арфу.

Вблизи она больше походила не на инструмент, а на крупный предмет мебели — что-то вроде большой декоративной вешалки для шляп или недостроенного стеллажа. Но при этом с ней хотелось танцевать, как делают некоторые контрабасисты, размахивающие своими инструментами во время особенно эмоциональных грувов. Я задумалась, почему арфисты всегда сидят. Может, сидячее положение за арфой — лишь пережитки западной цивилизации, как, например, представление о том, что детей нужно рожать лежа. Может, за арфой нужно стоять. Может, с арфой нужно танцевать. Может, они все неправильно поняли. Я провела пальцем по каждой струне и потрогала резьбу на шейке.

Я вернулась к своему столу и села. Собрала комплекты документов для писем о зачислении. Заказала музыкальные журналы для факультетской библиотеки. Скрепила степлером учебные планы для нескольких классов. Разложила по алфавиту сотни партитур из картотеки профессора Робинсона. Протерла картотечный шкаф влажной тряпкой. Позволила мужу.

— Привет, — сказал муж. — Как прошло утро?

— Прошло хорошо, — ответила я. — Чем сегодня поужинаем?

— Свиными отбивными, — сказал муж.

По пути домой пробок не было. Над дорогой склонились деревья с распускающимися почками, на черных валунах отражались белые солнечные блики.

Я проехала место, где произошла авария. Обломки уже убрали. Я задумалась, куда увезли тело человека, чья голова утром лежала на руле. Задумалась, куда увезли его жену. Я представила морг, где лежал ее муж, — ряды холодильников-картотек. Представила картотеки своего музыкального факультета, заполненные распололамленными телами вместо партитур, картотечные шкафы профессора Робинсона, которые выдвигаются в бесконечно длинные лотки. Представила, как открываю шкаф и протираю пространство между двумя половинками тела влажной тряпкой. Представила, как закрываю шкаф и возвращаюсь в кабинет с арфами. Там студенты настраивают инструменты. Я впитываю в себя звуки арф и становлюсь арфа-собой.

Я вылезла из машины, зашла в дом, сняла куртку и выпила стакан воды. Затем вынула ноутбук, искала предстоящие выступления арфистов и увидела, что завтра вечером играет оркестр кельтских арф. Я купила два билета.

Я решила принять душ, пока муж не вернулся домой, пошла в ванную и разделась. Горячая вода хлынула мне на голову и залила глаза. Я стояла неподвижно. Мне нравится ощущать на себе потоки воды, нравится, как она течет по закрытым векам. Я запрокинула голову и позволила воде проникнуть в рот. Я сделала глоток горячей воды и представила, как она движется внутри меня, пока снаружи горячая вода повторяет изгибы моего позвоночника.

В ванной я поняла, откуда знаю о малайзийской жене. Я вдруг очень четко вспомнила историю бывшего парня. Даже вспомнила цвет дивана, на кото-

ром он сидел, когда ее рассказывал. Темно-зеленый. С нами были друзья. Мой парень наклонился ко мне и нервно пошутил о своей семье. А потом рассказал историю о располамленном дядюшке и резко замолчал, будто собирался заплакать. Я сказала, что уже слишком поздно для подобных разговоров, ободряюще улыбнулась и попросила проводить меня домой. Потом он остался на ночь. У меня не было кровати, и матрас лежал прямо на полу. Когда мы легли, он был необычно молчаливым: то ли потому, что выпил, то ли потому, что его расстроила собственная история. Я не знакома была с его родителями, поэтому не знала, кого, по его мнению, эта история порочит. Может, он чувствовал что-то вроде вины или ответственности за то, что был с тем дядюшкой одной крови. А может, испугался, что проговорился о потомственном безумии, которое передается каждому члену его семьи, и теперь я не смогу смотреть на него прежним взглядом. Он лежал ко мне спиной. По его размеренному дыханию было непонятно, спит он или нет. Я коснулась пальцами его головы, провела за ухом, спустилась по позвоночнику. Я зарылась руками ему в волосы и прижалась губами к затылку. Так мы и уснули. Я вспомнила, как проснулась утром, обнимая его голову.

Из душа потекла холодная вода. Я выключила воду и услышала, как муж в соседней комнате нарежет овощи.

Я вылезла из душа, высушила волосы и оделась к ужину. Затем вышла из спальни и поцеловала мужа в щеку. Еда выглядела великолепно. В салат муж положил козий сыр, засахаренный пекан и клюкву. Свиные отбивные он обжарил и полил соусом. Карто-

фельное пюре с зеленым луком подал отдельно. Я села за стол и посмотрела на мужа.

— Еда выглядит божественно.

— Спасибо, — сказал муж. — Как прошел день?

— Ну, — сказала я. — Все было хорошо, но с коллегой случилось кое-что неприятное. Умер ее брат.

— Боже мой, — сказал муж. — Это ужасно. Он был молодой?

— Да, весьма. Ему было тридцать семь. Он был инженером на нефтяной вышке и много работал в Малайзии.

— От чего он умер? — спросил муж.

— Он умер от сердечного приступа.

— Он умер в Малайзии или здесь?

— Он умер в Малайзии. Родственники еще не решили, кто поедет за телом.

— Думаю, нам следует позвать ее семью на ужин, — сказал муж.

— Ты прав.

После ужина муж ушел читать, а я помыла посуду. Затем включила музыку и тоже попыталась сесть за чтение, но не смогла сосредоточиться и в конце концов надела теннисные туфли, чтобы сходить прогуляться.

— Пойду погуляю, — сказала я мужу.

— Ты в порядке? Хочешь, я пойду с тобой?

— Думаю, мне лучше прогуляться в одиночестве.

Я надела толстовку и тихонько закрыла за собой дверь. Пройдясь по нашей улице, я пнула несколько веточек, которые упали на дорогу.

Я подумала о распополамленном дядюшке и попыталась вспомнить что-нибудь о бывшем парне. Мы